

ПОВОЗКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЦЕЛОСТНОСТИ КОМПЛЕКСА СКИФСКОГО КУРГАНА

Процесс понимания исследователями скифского кургана как единого ансамбля, где все элементы (в том числе и боковые могилы) подчинены идее успешного перехода и достойной жизни главного погребенного в потустороннем мире, протекает неторопливо. В подавляющем большинстве скифские курганы представляют собой моноактные объекты. Археологам — «курганщикам» приходится отказываться от стереотипного восприятия скифского кургана как погребального комплекса, могилы в котором как бы накапливались во времени. Предложенное десять лет тому назад представление о кургане как единой заранее спланированной системе начинает находить понимание не только среди скифологов, подтверждением тому — одна из статей в настоящем сборнике. В поисках дополнительных аргументов, к приведенным ранее (сходство композиционных схем, стратиграфически подтвержденные случаи синхронности вторых входных ям) (*Болтрик, 2000: 129-137*), целесообразно использовать остатки и следы повозок в комплексах курганов. Такой подход, на наш взгляд, правомерен, поскольку повозки, невзирая на их размещение в разных точках кургана, в большинстве случаев связаны с главным погребенным.

Последние три десятилетия, благодаря С.С. Бессоновой, в скифологии утвердилось мнение о том, что повозки, как элементы траурного поезда, связаны с погребениями женщин в кургане. Интерпретируя уникальную надгробную стелу из Трехбратнего кургана с рельефным изображением женщины в квадриге и всадника перед ней¹, исследовательница выдвинула предположение о различных транспортных средствах для перемещения скифов в потусторонний мир. По этой версии, мужчина совершал последнее путешествие на коне, а женщина в повозке (*Бессонова, Кирилин, 1977: 128-139; Бессонова, 1982: 102-117*). Свои выводы С.С. Бессонова подкрепила рядом археологических примеров и описанием из «Старшей Эдды» путешествия в потусторонний мир Сигурда верхом, а его жены Брюннехильд в повозке. Активное принятие Б.Н. Мозолевским этой трактовки (*Мозолевский, 1979: 173*) в определенной мере канонизировало не столько связь женских могил с повозками (абсолютно бесспорную), сколько асинхронность подкурганых сооружений скифских погребальных комплексов². Развивая идею взаимозависимости в погребальном комплексе связки «женщина и повозка», Борис Николаевич, на наш взгляд, пришел к неверному

¹ Иные интерпретации изображения на рельефе из Старшего Трехбратнего кургана приведены в полной публикации материалов Трехбратних курганов (*Кройц, 2008: 131-137*).

² В своих последних работах Б.Н. Мозолевский приблизился к пониманию скифского кургана как единого ансамбля (*Мозолевский, 1992: 64; Мозолевский 1992: 75-76*).

выводу о превалировании могил женщин как основных, а владелиц повозок считал жрицами (Мозолевский, 1979: 158, табл. 6, 163; Тереножкин, Мозолевский, 1988: 165-166). По его «осторожному предположению» умерщвленная хранительница домашнего очага ждала своего господина в кургане, пока «царя» сорок дней возили по стране, «а затем через впускной ход вносили» в усыпальницу (Мозолевский, 1992: 64).

Таким образом, возобладало алогичное по своей сути суждение, которое лишало главных погребенных повозки или повозок, оставляя приоритет владения этой важной частью погребального кортежа персонажам второго порядка – зависимым женщинам. Иными словами, господин оставался без повозки, а одна из сопровождавших его жен или наложница обладала двумя экипажами. Это ошибочное суждение в большей части базируется на том обстоятельстве, что, на фоне разрушенных ограблениями основных гробниц, достаточно богатый инвентарь боковых могил выступал своеобразной психологической преградой на пути признания их сопровождающими, то есть подчиненными главному погребенному.

В то же время на других территориях повозка связывается с мужскими погребениями. С.С.Бессонова замечает, что в пяти «Прикубанских меотских курганах, в отличие от скифских и сарматских, повозки являются собственностью мужчин» (Бессонова, 1982: 115). Широко известна повозка из погребальной камеры кельтского «князя» из кургана Хохдорф у г. Штуттгард на юго-западе Германии (Biel, 1998). Еще Геродот отмечал привязанность скифских женщин к повозке как к дому кочевника (IV, 46). Но наряду с этим отец истории сообщал, что умершего скифского царя возят на повозке от племени к племени (IV, 71), «других же скифов, когда они умрут, близкие родственники везут, положив на повозки, к друзьям» (IV, 73). Таким образом, поскольку повозку использовали при похоронах значимых для скифского общества мужчин, то и она должна была находить свое место в комплексе кургана.

И действительно в курганах, диапазон высот которых пребывает в интервале

от 1,5 до 4 м, элементы повозок и их декор соотносятся с центральной могилой – т.е. с главным погребенным. По мере же увеличения размеров насыпей погребальных комплексов (диапазон от 5,2 м и выше) части разобранных экипажей перемещаются к боковым могилам (внутри или рядом с ними), в которых находятся погребения женщин и их свиты (см. табл. 1). С другой стороны, с увеличением размеров насыпи возрастает и количество, и разнообразие блях, декорировавших тенты повозок. Это связано как с пышностью убранства, так и с увеличением количества повозок до двух и более экипажей.

По две повозки содержат боковые могилы Александрополя и Казенной Могилы, что при достаточно ординарном характере иного инвентаря в них свидетельствует о зависимом положении погребенных. Совпадение секторов размещения повозок в разных курганах, как и сам факт их находок у боковых могил, косвенным образом подчеркивает дополнительный или точнее зависимый характер этих сооружений. Дополнительным доказательством существования синхронных главной могиле сопровождающих гробниц служат условия местонахождения повозок. Разобранные повозки в ряде курганов (Бердянский, Казенная Могила, Александрополь, Братолюбовский, Гайманова Могила) оставляли в боковых могилах, устроенных в северо-западном или юго-западном секторе (30-35° от оси С-Ю).

Впрочем, в больших и сверхбольших курганах повозки помещали и в центральных могилах или рядом с ними (9 случаев против 9 находок в боковых могилах), но во многих памятниках их следы просто не сохранились. В Гаймановой Могиле – следы повозок есть как в центральной, так и в двух боковых могилах. В этом памятнике, помимо остатков колес и бортов повозок во входных ямах и в устьях дромосов, части бронзовых составляющих декора повозок в виде нескольких скоплений были оставлены в западном секторе подкурганной поверхности. Комплект № 7 (с навершиями) оказался под крепидой близ Северной могилы. Этот факт вряд ли случаен, поскольку комплект № 3, среди которого

Рис. 1. Подобие схем вспомогательных погребальных сооружений Толстой и Гаймановой Могили.

А – боковая гробница Толстой Могили; Б – Северная гробница Гаймановой Могили.

помимо уздечных принадлежностей были и бронзовые нашивные бляхи, перекрывал заполнение входной ямы № 1 этой могилы (Бидзиля, 1971: 20). По всей видимости, скопления бронз находились за внешней линией первоначальной обваловки – на участке от оси погребальной дорожки (отмеченной отпечатками камыша) до места сооружения входной ямы № 1.

Примечательно определенное сходство схем боковых гробниц в Гаймановой и Толстой Могилах (рис. 1). Входы в гробницы заложены колесами, в Толстой Могиле они унесены далеко в дромос. Помимо двух входных ям погребальные камеры имеют по две ниши – для погребения слуг и для инвентаря. Обе могилы имели близкое количество погребенных – шесть в Толстой и, вероятно, семь в Гаймановой Могиле. Обращает на себя внимание и оторванность одной из входных ям, и соединение ее с камерой при помощи дромоса. Тогда как противоположные входные ямы были, как бы посажены на камеры, причем так, что угол их как будто смотрел на ось этих камер. Примечательно и то, что близ этих углов оказались тела «рабов», положенные с раскинутыми руками и ногами. Отметим небольшое отличие – в Гаймановой

Могиле вход закрывали тела двух подростков и коня, тогда как в Толстой Могиле у входа был один охранник. Конь и охранник у входа были и в слепом ходу при входной яме центрального погребального сооружения (ЦПС) Огуза. То есть они были положены как бы в стороне от главного дромоса. И эту же схему мы наблюдаем в Северной гробнице Гаймановой Могили. Если трактовать так называемый грабительский ход, идущий из второй входной ямы Северной могилы, как длинный дромос Центральной могилы, то становится понятной ориентация этой входной ямы и расположение колес в ней – они запирали вход в камеру Северной могилы и в большей степени вход в длинный дромос. Сопоставление сходных схем Огуза и Гаймановой Могили (рис. 2) заставляет по-иному взглянуть на Южную могилу, открытую В.Н.Ротом в первом из них – она такое же дополнение ЦПС, как и Северная гробница в Гаймановой Могиле – не совпадают ориентация и размеры памятников. И в этой связи примечательно сходство отдельных женских могил в этих памятниках. Но, помимо заслонов устьев камер, устроенных из бортов повозок в обеих гробницах, огузская Северная Могила имела большие скопления нашивных

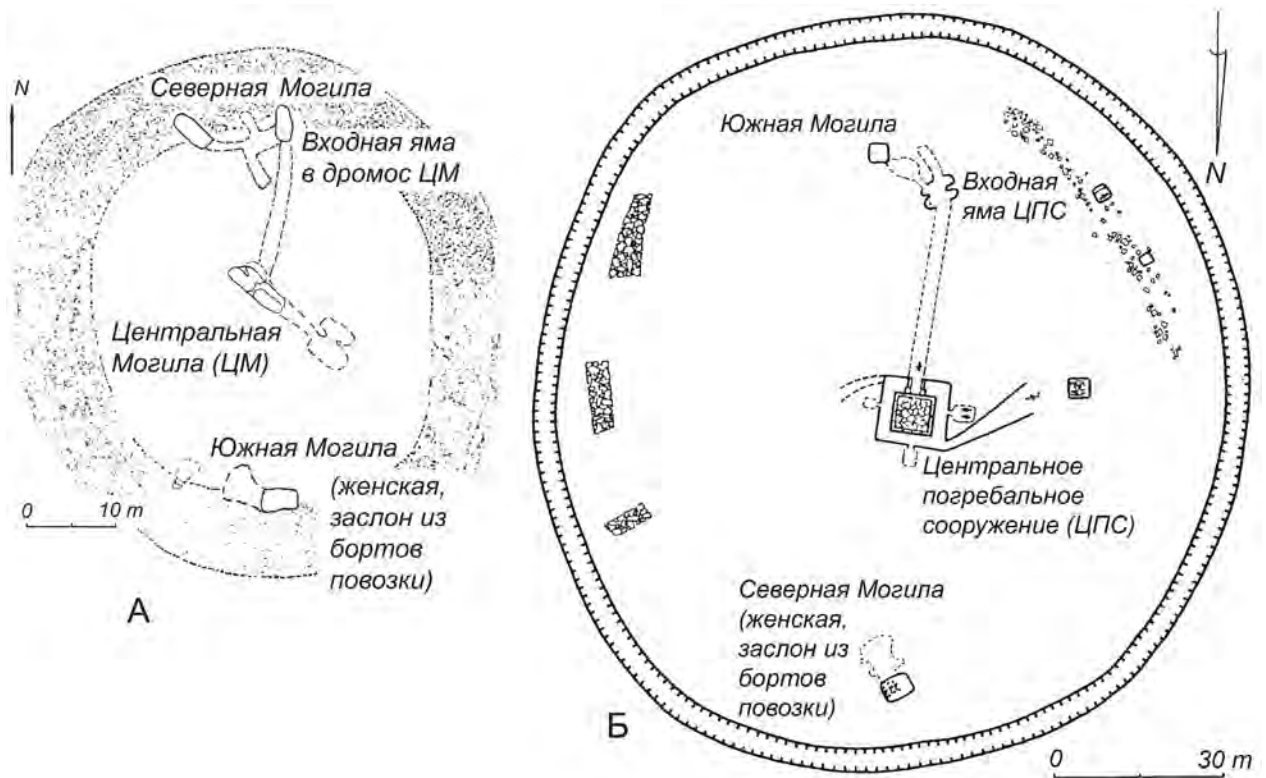

Рис. 2. Совпадение схем расположения вспомогательных погребальных сооружений на подкурганном пространстве Гаймановой Могилы и кургана Огуз.

А – план Гаймановой Могилы; Б – план кургана Огуз.

бронзовых пластин от тентов повозок. Все эти совпадения можно объяснить существованием единого погребального канона, в котором позволялось менять ориентацию сооружений, или же общая планировка кургана зависела от внешних факторов, например, реки или соседней дороги.

С точки зрения единства всего комплекса кургана заслуживают внимания наблюдения Б.Н. Мозолевого на Толстой Могиле. «Выкид у боковой могилы был перекрыт слоем чернозема толщиной до 2 м. Однако следов досыпки кургана над ним не прослеживалось» (Мозолевский, 1979: 94). «Выкид из второй входной ямы не прослеживается. Возможно, он был смешан с выкидом первой ямы» (Мозолевский, 1979: 99). И это притом, что по взглядам на курган времен исследования Толстой Могилы, все входные ямы увязывались с новым этапом в возведении кургана.

Следует заметить, что еще один важный памятник, содержащий следы по-

возок, остался вне поля зрения исследователей. Это курган Козел, а на наличие в нем повозки (и, похоже, не одной), указывают отрывочные сведения И.Е. Забелина из разных источников. Так в донесении в Археологическую комиссию, описывая конские могилы к западу от центральной входной ямы Козла, он сообщал: «кони первоначально не были засыпаны землей, а были покрыты вдоль всей гробницы тремя деревянными брусьями в четверть толщины³ (около 9 см) и по брусьям прутьями, лозами и небольшими кругляшками. Эта деревянная покрывка была скреплена на концах железными гвоздями и сколочена железными тонкими полосками (Архив ИИМК РАН фонд 1, дело №11/1865: 5). И в насыпи кургана И.Е. Забелин отмечал следы повозок, еще не осознавая этого. А в записной книжке за 1865 год он пишет, что в первый день (2 июня) раскопок Козла, в насыпи на глубине около 1 м, в 25 м к западу от центра нашли «6 железных гвоздей

³ Подобного размера брусья вертикально перекрывали вход в дромос Северной Могилы Огуза.

сognутых в виде скоб, подобных, как найденные в Чертомлыке в самой гробнице». На третий день «нашли в северо-западном углу ручку амфоры небольшой, а на западе найдена большая железная обойма, верно, недавнего времени⁴» (Забелин, 2001: 264-265). Затем 25 июня: «...гробница коней. Здесь же выше попадались куски дерева с гвоздями в виде скобы и один кругляк» (Забелин, 2001: 273). 2 июля исследователь отмечает, что «дерево попадает в западном конце у южной стены» (Забелин, 2001: 274). В «Описи вещей найденных в кургане Козел» при описании гробниц на материке (Могила коней и конюших) под №№ 153-156 Иван Егорович приводит: железные гвозди, крепи, скобки и две обоймицы. А в главной гробнице под №№ 160-163 фиксирует железную обойму, гвозди и крепи (Отдел письменных источников ГИМ фонд 440, *ед.хр.*263). О том, что повозки в кургане Козел были раскрашены, свидетельствует отпечаток краски на черноземе с могилы конюшего, найденный 14 июля. «...На поверхности материка лежала доска, закрывавшая могилу, совсем уже сгнившая, так что от нее не осталось и следов. На черноземе же, на котором лежала, остались следы красок: карминной, белой и синей и приметил арабеск, состоявший из синих и красных травоподобных» (Забелин, 2001: 276-277). Таким образом, информация И.Е. Забелина указывает на присутствие в комплексе центральной могилы кургана Козел разобранной повозки (или повозок). Это в определенной мере перекликается с ситуацией Краснокутского кургана. С другой стороны, эти курганы были раскопаны узкими траншеями, открывшими около

8% подкурганного пространства. Поэтому вполне вероятно наличие дополнительных сооружений в этих памятниках, тем более, что оба они имеют уходящие от центра к периферии подземные ходы.

Снаряжение в мир иной умершего среднего и высшего социальных уровней у скифов сопровождалось помещением в различные части кургана бронзовых аппликаций на тенты и крепежные ремни, а также наверх, украшавших повозки. Последние являются одной из наиболее репрезентативных категорий артефактов материальной культуры скифов. Предпринимались многочисленные попытки определить функциональное назначение наверх, так и не приведшие к единой точке зрения (Minns, 1913: 78; Шлеев, 1950: 52-53; Іллінська, 1963: 49-52; Вакау, 1971: 51-54; Переводчикова, Раевский, 1981: 42-43). Предположения по поводу назначения наверх распадаются на две группы. Одна группа исследователей считает их инсигниями власти, подобно штандартам, бунчукам, либо шаманским жезлам⁵, иная так или иначе связывает их назначения с повозками — в них усматривали декор верхней части повозок, их дышел или даже осей⁶.

На взаимосвязь наверх с остатками повозок, начиная с И.Е. Забелина, обращали внимание многие исследователи. Отмечали и то обстоятельство, что наверх встречаются либо парами, либо по четыре, что позволяло усматривать в них украшения верхней части повозки (Minns, 1913: 77; Ростовцев, 1914: 511). Руководствуясь типологией наверх, предложенной Е.В. Переводчиковой (1980: 23-44), мы разделили массив наверх, происходящий

⁴ Железные обоймы от повозки были найдены в большом количестве при раскопках Гаймановой Могилы. И поскольку выше были найдены гвозди, подобные чертомлыцким, то скорее всего и этот артефакт древний.

⁵ Как аналоги приводят римские штандарты либо знаки, тюркские и казацкие бунчуки. А.С. Лаппо-Данилевский считал наверх деталями знамен, опираясь на сообщение Арриана (*Тактика*, 51) о драконах на знаменах скифов (Лаппо-Данилевский, 1887: 95). Е. Миннс по поводу этого пассажи замечал, что у Арриана шла речь об изображениях драконов на ткани и к бронзовым грифонам это не имеет никакого отношения (Minns, 1913: 77).

⁶ Прослеживается следующая закономерность: при рассмотрении наверх лишь из нижнеднепровских курганов почти все исследователи считают их частями повозок; когда же привлекают более ранние артефакты из памятников Кубани или Посулья, то возникает некая неопределенность, которая заводит проблему в тупик. И уже как выход из него, возникает идея функциональной поливариантности этой категории предметов.

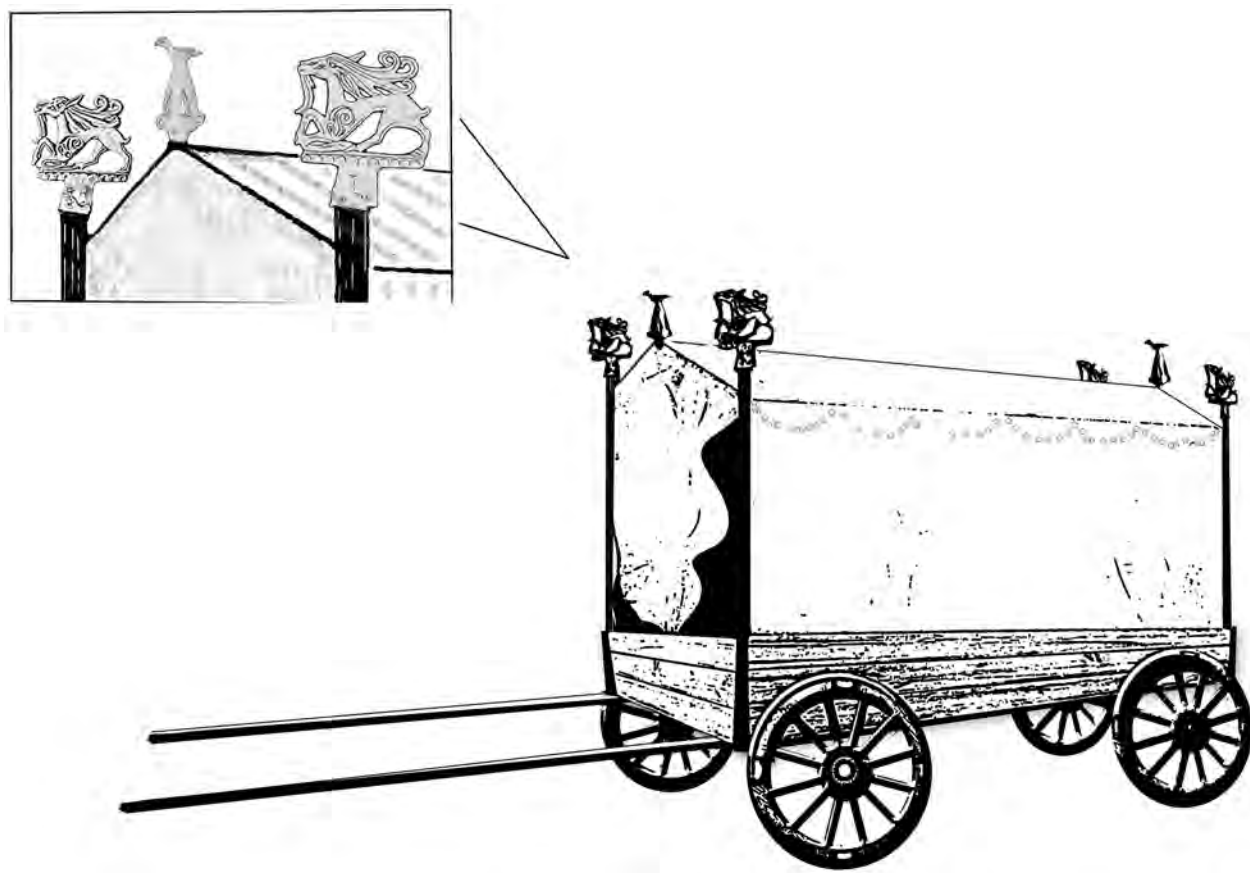

Рис. 3. Вариант реконструкции размещения наверший на повозке из Гаймановой Могилы (схема 2 птицы + 4 оленя).

из степных памятников, на три группы, принимая во внимание изображение и форму наверший (Болтрик, 1998: 146-150). В первую группу попали навершия с изображениями птиц (IX тип по Переводчиковой), во вторую те, которые украшены изображениями оленей и грифонов на прорезных фигурных втулках (XI тип). В третьей группе оказались экземпляры лопатовидной формы с изображениями оленей, сцен терзания грифоном травоядного, антропоморфных фигур. Навершия с птицами в комплексах представлены преимущественно парами (два случая по одному экземпляру). И только в Малой Лепетихе четыре, но в этом памятнике отсутствуют навершия иных типов. К тому же, фигурки птиц из Малой Лепетихи исполнены со сложенными крыльями, тогда как во всех иных случаях крылья расправлены. На наш взгляд, эти обстоятельства позволяют считать, что пара наверший с птицами доминировала над краями гребня балдахина

повозки. То есть навершия с фигурками птиц занимали высшие точки, и поэтому пространство вокруг них было свободным, а логика общей композиции позволяла передать крылья в состоянии полета. Два другие типа наверший в комплексах встречаются преимущественно по четыре экземпляра, что позволяет считать их размещенными по углам эпистиля, а плоские навершия композиционно оправданы именно у основания склонов балдахина. Таким образом, смысл и форма изображений, количественный состав наверший указывают на их вероятное размещение в системе декоративного оформления повозки. Символика изображений наверший: птицы, олены, грифоны – с одной стороны ориентируют на функцию движения, присущую указанным персонажам, а с другой стороны позволяет реконструировать расположение их в верхней части повозки. В ряде комплексов присутствуют «лишние» экземпляры наверший (Александрополь,

Табл. 1

**Элементы повозок в курганах Степной Скифии
и их местоположение в погребальных комплексах**

Курган, погребение	Объем насыпи (м³)	Местонахождение			колеса	части кузова
		Насыпь кургана	Центр. могила	Боковая могила		
гр. БОФ к.13, п.1	55		+		+	+
Водославка к.1	100		+			+
Водославка к.6	520	Навершия	+			+
Гайманово поле к.43	670		+*		+	+
Гюновка к.11	1200		+*			+
Носаки к.2	2700	+	+			+
Мелитопольский	2900			+	+	+
Каменская Близница	3470	+		+		
Вишневая Могила	3850		+*			
Гюновка к.14	4200		+*			
Казенная Могила	4700			+		
Двугорбая Могила**	5850			+	+	
Плоская Могила	6600	+	?	?	?	?
Бердянский	11600			+		+
Чмырева Могила	11000	Навершия и бляхи		?	?	?
Краснокутский	12035	Навершия и бляхи				
Толстая Могила	12436	Навершия и бляхи		+	+	+
Гайманова Могила	13170		+		+	+
Гайманова Мог. Северная гробница		Навершия и бляхи		+	+	+
Гайманова Мог. Южная гробн. (п.4)				+		+
Козел	33000	+	+			+
Александрополь	42000	Навершия и бляхи		+	+	+
Чертомлык	82400	Навершия и бляхи	+			
Огуз	117000	Бляхи		+		+

* Элементы повозки находилась во второй входной яме в центральную могилу.

** Наличие повозки в Двугорбой Могиле (катакомба №3) Б.Н. Мозолевский подвергает сомнению, но с оговорками предполагает возможность размещения в ней одноосной колесницы (*Тереножкин, Мозолевский, 1988: 165*).

Краснокутск, Чертомлык по 10 экз., Чмырева и Гайманова Могилы по 7 экз.). То есть наверший больше чем 4 или 6 экз. Это превышение следует связывать с наличием в комплексе еще одного экипажа, на что в ряде случаев указывает и количество колес.

На наличие двух повозок в Краснокутском кургане указывал И.Е. Забелин. Он фиксировал по сторонам «прохода», оставленного не засыпанным могильным выкидом, сложенные в две кучи остатки двух повозок (*Мелюкова, 1981: 10*). А одна из таких куч (обозначенных символом *d*), если верить плану кургана, находилась над заполнением входной ямы. Ситуация подобна упомянутой в Гаймановой Могиле, только здесь такая «куча» перекрывает боковую входную яму. В Толстой Могиле навершия и бронзовые бляхи находятся на вершине выкида в 2 м к северу от угла входной ямы

боковой могилы (в этой яме лежат колеса). В Каменской Близнице декор повозки разместили у восточного входа на подкурганное пространство, в начале погребальной дорожки. И тут одно навершие оказалось в заполнении входной ямы № 3 (восточной), а в 2 м к северу от нее на глубине 1,2 м от поверхности на черноземной части выкида лежали 5 бронзовых наверший.

В размещении остатков повозок в курганах угадывается некая система, указывающая на не случайность их позиций в погребальных комплексах, которые трудно объяснить их последующим впуском в курган. Подобные размещения, как дополнительных могил, так и остатков повозок возможны только до или во время сооружения насыпи кургана. Иначе как объяснить присутствие повозок во внутреннем пространстве первоначальных обваловок (на погребальных дорожках либо их склонах),

Табл. 2

Бляхи из листовой бронзы от тенгов повозок из курганов Степной Скифии

Курган	Объем насыпи (м ³)	Местонахождение:			Количество:	
		Подкурганная поверхн.	Входная яма	Дромос	круглых	треугольных
Сергеевка (ОАК, 1891.с.87)	—	—	—	—	2	—
Каменка гр.3, к.1	000				1	
Водославка, к.6	520		+		34	
Татьянина Могила	770		+		160	50
Денисова Могила	930	+			30	
Пески, к.3	2400	+			39	
Носаки, к.2	2800	+			124	49
Ташенак	3945			+	11*	
Гюновка, к.14	4200		+		85	
Плоская Могила	6600	+			133	100
Соболева Могила			+		1***	
Чмырева Могила	11000		+		40*	
Краснокутский	12035	+			644	125
Бабина Могила	12100	+			347/44	53
Толстая Могила	12436				186	
Гайманова Могила	13170	+			108	
Александрополь	77200	+			838	234
Чертомлык	82000	+			150	
Огуз	117000	+	+	+	284**	480

* В комплексы Сергеевки, Ташенака, Чмыревой Могилы входили звоночки, в двух последних памятниках, соответственно 25 и 18 экз.

** В Огузе помимо треугольных блях были ромбовидные, в виде антропоморфного силуэта и большие ажурные пальметты.

*** В Соболевой Могиле найден лишь 1 экз., остальные унесли грабители.

в дополнительных входных ямах или связанных с ними дромосах, после «демонтажа» погребального кортежа.

Таким образом, присутствие одной или двух повозок в комплексах (внутри или рядом) боковых могил скифских курганов 4 в. до н.э. подчеркивает вспомогательное

значение этих сооружений, превращая их в своеобразные каретные сараи, где помимо прочего размещались транспортные средства главного погребенного. Это в свою очередь достаточно убедительно свидетельствует о целостности комплекса кургана.

Литература

Бессонова, 1982 — Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. К., 1982.

Бессонова, Кирилин, 1977 — Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифский мир. К., 1977.

Бидзиля, 1971 — Бидзиля В.И. Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР Часть 1. Гайманова Могила // Архив ИА НАНУ, № 1969-70/37.

Болтрик, 2000 — Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000

Забелин, 2001 — Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001.

Іллінська, 1963 — Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. №15.

Кройц, 2008 — Кройц П.-А. Рельеф из Старшего Трехбратнего кургана // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н.э. Симферополь-Бонн, 2008.

Лаппо-Данилевский, 1887 — Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // Записки отд. русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1887. Т.IV.

Мелюкова, 1981 — Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Мозолевский, 1979 — Мозолевский Б.М. Товста Могила. К. 1979.

Мозолевский, 1992 — Мозолевский Б.Н. Отражение космогонических представлений скифов в

погребальной обрядности знати // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов международной научной конференции памяти А.И.Тереножкина. Мелитополь 1992. с. 63-65.

Мозолевський, 1992 – Мозолевський Б. Під скіфським небом. Есе // Київська старовина, 1992. №4.

Переводчикова, 1980 – Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверхий // СА. – 1980. №2.

Переводчикова, Раевский, 1981 – Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверхий // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Ростовцев, 1994 – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914. Т.І.

Тереножкин, Мозолевский, 1988 – Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К., 1988.

Шлеев, 1950 – Шлеев В.В. К вопросу о скифских наверхиях // КСИИМК. 1950. Вып.34.

Bakay, 1971 – Bakay K. Skythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest. 1971.

Biel, 1998 – Biel J. Der Keltenfürst von Hochdorf. Stuttgart, 1998.

Minns, 1913 – Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

Rolle, 1991 – Rolle R. Städte auf Rädern Zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Золото степу. Археологія України. Шлезвиг, 1991.